

ВОЕННЫЙ
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

КИБЕР ВОЙНА

КАК РОССИЯ
МАНИПУЛИРУЕТ
МИРОМ

АНДРЕЙ
КЕМАЛЬ

Андрей Кемаль
Кибервойна. Как Россия
манипулирует миром
Серия «Военный обозреватель»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13142745

*Кибервойна. Как Россия манипулирует миром / Андрей Кемаль:
Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-03-9*

Аннотация

Совсем недавно глава Генштаба ВС РФ Валерий Герасимов заявил, что теперь у России есть возможность одержать победу над противником при помощи комбинации «политической, экономической, информационной, технологической и экологической кампаний».

Эти слова оказались реальностью. Западные аналитики с ужасом обнаружили, что войну на информационном фронте они с треском проигрывают России. Блок НАТО ничего не может противопоставить нашей стране в сфере информационных войн. О новом оружии России и пойдет речь в этой книге. Новейшее и безотказное оружие нашей страны впервые стало предметом анализа западных специалистов.

Они думали, что они нами манипулируют, и только сейчас начинают понимать, что Россия стала гегемоном в мировом информационном пространстве.

Содержание

Кремлёвские зазеркальные войны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Кемаль

Кибервойна. Как Россия манипулирует миром

Кремлёвские зазеркальные войны

(The Guardian, Пётр Померанцев)

Фальшивые новости. Отфотошопленные фотографии. Постановочные выступления по телевидению. Отряды платных троллей. Удалось ли России изобрести новый вид информационной войны, которая ведётся в «психосфере» — или всё это не более чем гигантский блеф?

Проще всего Марго Гонтар было работать с фотографиями мёртвых детей. Эти фотографии занимали все экраны её компьютера — в новостях и сообщениях из соцсетей. Заголовки новостей винили в гибели этих детей украинские банды фашистов, которых готовили в НАТО. На дворе было начало 2014 года, Крым только что был оккупирован отрядами солдат, которые выглядели как русские и говорили по-русски. Однако они не носили никаких знаков различия, а Владимир Путин, ухмыляясь, на весь мир говорил, что они никакие не русские. А потом сепаратисты начали захватывать восток Украины. Марго пыталась сопротивляться.

Оригинал фотографии было найти достаточно несложно, простым поиском в Google. Какие-то были сняты на других войнах, значительно раньше этой. Какие-то – на месте преступления, которое к Украине не имело никакого отношения. Другие вообще были кадрами из художественных фильмов. Гонтар публиковала результаты своих расследований на сайте StopFake («Нет подделкам»), который в марте запустили энтузиасты вроде неё самой, студенты школы журналистики Киево-Могилянской академии. Ей нравилось отделять истину от лжи, чувствовать хоть какую-то ясность среди полной неразберихи.

Но дальше стало сложнее. По российскому телевидению всё чаще начали выступать пухлые рыдающие женщины и пожилые мужчины, которые рассказывали ужасы про украинских националистов, избивавших всех, кто говорит по-русски. Вроде бы они говорили вполне искренне. Но потом Гонтар стала замечать, что те же самые пухлые женщины и раненые старики появляются в других передачах – уже с другими подписями. В одном выпуске новостей одна и та же женщина выступала как «жительница Одессы», в другом – как «мать солдата», в третьем – как «жительница Харькова», и, наконец, как «активист “Антимайдана”».

В июле, после того, как на территории восточной Украины был сбит «Боинг» компании Malaysian Airlines, следовавший рейсом МН17, Гонтар начала искать, что пишут в интернете пророссийски настроенные конспирологи. Она нашла твит-

тер авиадиспетчера, который видел, как вслед за лайнером вылетели истребители украинских ВВС – хотя никаких доказательств реального существования этого диспетчера ей обнаружить не удалось. Она обнаружила десятки сайтов на русском и английском, которые все одновременно, будто по команде, опубликовали статью, где утверждалось, что рейс МН17 сбили США, но по ошибке, а целились на самом деле в самолёт Путина. Российские сепаратисты на Украине даже запустили версию, что самолёт ещё до взлёта был под завязку набит трупами – это сюжет, целиком позаимствованный из одной из серий «Шерлока». Все эти истории были вызывающе нелепыми, как будто их авторы совсем не беспокоились о разоблачении, а просто хотели отвлечь всех от доказательств того, что самолёт был на самом деле сбит боевиками, которым поставляла оружие Россия. Гондар начала сомневаться – не попала ли она сама в кремлёвскую западню, потратив столько времени и сил на опровержение заведомо ложных вбросов.

Вскоре и она сама, и сайт StopFake, стали частью истории. Российские СМИ стали активно цитировать StopFake в своих статьях и репортажах – но подавали они это так, будто сама Гондар пыталась выдать фальшивку за правду, а не наоборот. Она как будто посмотрела в зеркало, перевёрнутое вверх ногами. Ей стало дурно.

В подобные моменты она всегда обращалась к западным СМИ, чтобы почувствовать хоть какую-то почву под нога-

ми, но и та стала предательски скользкой. Каждый раз, когда «Бибиси» или «Тагесшпигель» делали репортаж, их собственные стандарты взвешенной подачи информации вынуждали давать слово и другой стороне – даже когда та кричала о фашистах, кознях Запада и т. д. Гонтар начала задумываться, не впустую ли она тратит силы, пытаясь выяснить правду: если правда каждый раз на её глазах менялась, а в любой статье должно быть как минимум два мнения, осталась ли хоть где-то вообще хоть одна непреложная истина?

Потратив несколько месяцев на сайт StopFake, Марго начала сомневаться во всём подряд. А что если «оригинал» фотографии с убитым ребёнком на самом деле никакой не оригинал? Что если эту фотографию тоже нарочно загрузили заранее, чтобы сбить её с толку? Реальность начала терять очертания, становиться вязкой. Чем бы русские ни занимались, это не была просто пропаганда. Ведь цель пропаганды – убеждение, её можно разоблачить. Нет, это было нечто совершенно иное: это не только не поддавалось опровержению – оно обращало в пар само понятие доказательства.

* * *

В прошлом году мне попала в руки выпущенная в России книга «Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник» (издание 2011 года под авторством В.Б.Вепринцева и других авто-

ров можно приобрести в интернете за 348 рублей). Книга предназначена для «студентов, политологов и политтехнологов, государственных служащих и сотрудников специальных служб» – что-то вроде учебного пособия для младшего состава информационной армии. Информационное оружие, говорится в книге, «оказывает невидимое воздействие, подобное радиации» на свои цели: «Население даже не ощущает, что оно подвергается воздействию. В результате государство не приводит в действие имеющиеся в его распоряжении защитные механизмы». Если в обычной войне всё сводится к пушкам и ракетам, продолжает энциклопедия, арсенал воздействия в информационной войне «характеризуется достаточной долей гибкости и непредсказуемости. В большинстве случаев в информационной войне отсутствует возможность предугадать направление и инструментарий возможной атаки».

На 495 страницах энциклопедии уместились введение в принципы информационно-психологической войны, словарь основных понятий и подробные схемы, описывающие методы и тактики оборонительных и наступательных операций: «оперативная маскировка», «программно-математическое воздействие», «дезинформация», «имитация», а также «теле- и радиовещание». «В рамках войны обыкновенной», продолжают авторы, «действует логика “да-нет”, в случае информационной войны имеется вариант нечёткой логики. Более того, одновременно на человека могут действовать раз-

ные “противники”, по сути, захватывая разные “тематические зоны” его сознания».

Мне всегда казалось, что словосочетание «информационная война» относится к неким геополитическим дебатам, где с одной стороны российские пропагандисты, с другой – западные, и обе стороны пытаются убедить всех, кто оказался посередине, в своей правоте. Но энциклопедия утверждает, что задача такой войны на самом деле гораздо шире: информационная война ведётся не столько ради убеждения, сколько ради «влияния на социальные отношения» и «установления контроля над источниками стратегических ресурсов». Невидимое оружие, действующее подобно радиации, которое способно пересилить биологическую реакцию жертвы и помочь установить контроль над стратегическими ресурсами? Звучит как коряво написанная научная фантастика, а не пособие для студентов и госслужащих.

Но потом я стал изучать последние российские публикации по теории военного дела – в исторических книгах и научных журналах – и написанные этим странным языком статьи из энциклопедии начали становиться понятнее. С самого конца Холодной войны Россия не оставляла мысль сравняться по возможностям с США и их союзниками. В 1999 маршал Игорь Сергеев, тогдашний министр обороны, признался, что в военном отношении Россия не может соревноваться с Западом. Вместо этого он предложил искать «революционные направления» и «асимметричные меры». Всё прошед-

шее десятилетие теоретики в российских войсках и спецслужбах разрабатывали практические методы ведения нефизической войны – утверждая, что против России такая война уже ведётся, силами западных правозащитных организаций и СМИ.

Глава Генштаба ВС РФ Валерий Герасимов заявил, что теперь у России есть возможность одержать победу над противником при помощи комбинации «политической, экономической, информационной, технологической и экологической кампаний». Это укладывалось в рамки общего видения войны, которая ведётся не в физическом мире, а в пространстве, которое российские теоретики называли «психосферой». Войны будущего, утверждали они, будут вестись не на полях битвы, но в головах людей.

Дезинформация и психологические войны стары как сам Троянский конь. Но новый подход Кремля отличался от стратегии его западных противников именно упором на «психосферу» как основной театр военных действий. Информационная война перестала быть лишь приложением к физическому противостоянию или военному вторжению: она стала самоценным явлением. Ведь, как уверяет российская энциклопедия своих читателей, «Информационная война... во многом придёт на смену стандартной войне».

Идея понятна. Но какова цель этого «невидимого воздействия, подобного радиации»? Попытка ли это придать более очерченные контуры тому, что американцы называют «мяг-

кой силой» – воздействию на умы через культурные программы и публичную дипломатию? Или это какая-то принципиально новая форма войны – та, в которой Россия может перехитрить своих врагов, не сделав ни одного выстрела?

* * *

В конце прошлого года я поехал в Эстонию, крошечную прибалтийскую страну, – её население составляет всего 1,3 миллиона – которая находится в 150 километрах к западу от Санкт-Петербурга. После аннексии Крыма Россией в марте 2014 года много говорили о том, что следующая на очереди именно Эстония. («Сегодня Крым, завтра Эстония?», спрашивал заголовок в журнале *The Spectator*). За несколько месяцев до моей поездки в Таллин прилетел президент Барак Обама и громко заявил о готовности Америки охранять покой страны. «Оборона Таллина, Риги и Вильнюса не менее важна, чем оборона Берлина, Парижа и Лондона», заявил Обама. «Итак, если настанет момент, когда вам придётся спросить – кто же придёт к нам на помощь, то вы уже знаете ответ: союз НАТО, в том числе вооружённые силы Соединённых Штатов Америки, прямо здесь, прямо сейчас».

Тоомас Ильвес, президент Эстонии, провёл меня по длинному коридору его таллинской резиденции, показывая портреты руководителей страны в короткий период независимости между распадом Российской империи в 1917 году и ок-

купацией советскими войскам и во время Второй мировой войны. Судьба у всех была печальная: «Этого расстреляли, этот пропал без вести – и наверняка был убит – а этого сослали», говорил Ильвес, останавливаясь у каждого портрета.

Ильвес был одет в своём фирменном стиле – твидовый костюм и галстук-бабочка, которые удачно контрастировали с его программой по превращению Эстонии в самую прогрессивную в информационном плане страну Европы. Правительство объявило доступ к интернету основным правом человека: через интернет граждане могут голосовать, получать рецепты на лекарства и платить налоги, а за парковку платить при помощи мобильного телефона. Программирование включено в обязательную школьную программу начиная с первого класса. Ильвес, который, кажется, пишет в твиттер чаще, чем глава любой другой страны, в любой своей речи и интервью при любом удобном случае упоминает самые последние технологические новинки.

Проект «э-Стония» весьма практичен – страна ищет свою экономическую нишу – но в то же время глубоко символичен. Это способ избавиться от сложившегося стереотипа о стране как отсталой провинции Москвы. Разрыв с прошлым казался завершённым в 2004 году, когда Эстония стала членом НАТО – тогда казалось, что на международной арене наконец появилась новая, цифровая Эстония, навсегда освободившаяся от российского принуждения.

Еще с времён СССР каждое 9 мая – эта дата известна как

День победы в Великой отечественной войне – русские националисты и ветераны войны собирались в центре Таллина у монумента, известного как Бронзовый солдат: огромный арийского вида богатырь, символизирующий победу Советского союза над нацизмом. Русские или русскоязычные составляют примерно треть населения Эстонии. Большинство из них приехали из СССР после Второй мировой – а многих эстонцев, в свою очередь, отправили в лагеря ГУЛАГа, разбросанные по всему Союзу. Между 1945 и 1991 годами количество русских в Эстонии выросло с 23 до 475 тысяч. Но после распада СССР по новым законам о гражданстве русским, прибывшим в страну после оккупации, пришлось сдавать экзамен по эстонскому языку. В стране усилилась напряжённость. Многие русские, как и их родители, не считают себя оккупантами. Согласно официальной кремлёвской версии, Эстония «добровольно» отказалась от независимости в 1941 году.

Когда русские националисты начали собираться у Бронзового солдата на 9 мая, петь советские песни и украшать памятник флагами, националистически настроенные эстонцы стали проводить собственные марши на том же месте. В 2006 году один эстонский националист угрожал взорвать статую. В 2007 году эстонский парламент постановил перенести монумент на военное кладбище – по официальной версии, ради сохранения общественного порядка. Но российские политики и СМИ пришли в ярость. «Руководство Эстонии –

пособники фашизма!» – заявил мэр Москвы. «Это отвратительно», вторил ему министр иностранных дел. В российских СМИ страну стали называть не иначе как «эССтония». Активисты, назвавшиеся «Ночным дозором», устроили вокруг Бронзового солдата палаточный лагерь, не давая снести памятник.

Ночью 26 апреля, когда городские власти начали снос памятника, толпы русских принялись забрасывать эстонских полицейских бутылками и камнями. Это переросло в массовые беспорядки. Были случаи мародёрства. Один человек погиб. В российских СМИ, популярных в Эстонии, писали, что его убили полицейские (не убили), что русских до смерти избивали на пристани парома (не избивали), что русских пытали и накачивали наркотиками во время допросов (этого тоже не было).

На следующий день эстонские госслужащие, сотрудники газет и банков прибыли на свои рабочие места и обнаружили, что их компьютеры не работают: их вывела из строя одна из крупнейших на сегодняшний день кибер-атак. «э-Стония» ушла в оффлайн.

Сегодня многие в Эстонии уверены, что все происходившее было скоординировано из Москвы. Но доказать ничего нельзя. После кибер-атаки российский депутат-националист и политтехнолог Сергей Марков заявил журналистам, что его помощник руководил атакой при поддержке «хакеров-патриотов» – но уточнил, что он действовал независи-

мо от Кремля. Эстонские спецслужбы заявляли, что видели, как члены «Ночного дозора» встречались с работниками российского посольства. Но доказать, что массовыми беспорядками руководили из Кремля – это совсем другое дело. Единственное, что можно было утверждать наверняка – кто-то хотел дать правительству Эстонии понять, что их положение совсем не так надёжно, как они привыкли думать. Но в каком именно смысле положение ненадёжно? «Иногда нам казалось, что смысл этих атак – заставить нас казаться параноиками и неважными партнёрами для НАТО», говорит Ильвес. «Таким образом, подрывается авторитет альянса в целом».

Основной тактический принцип российской информационной войны – понятие «рефлексивного управления». Как пишет Тимоти Томас (Timothy L. Thomas), аналитик Центра по изучению зарубежных вооруженных сил при армии США и эксперт по новейшей российской военной истории и теории, рефлексивное управление включает в себя «передачу противнику специально подготовленной информации с тем, чтобы убедить его по собственной воле принять решение, выгодное инициатору передачи». Другими словами, настолько хорошо знать поведение вашего противника, чтобы спровоцировать его на любое нужное вам действие.

Известный пример подобной тактики – ежегодные военные парады на Красной площади во время холодной войны, когда СССР предъявлял миру свои ядерные баллистические

ракеты. В Союзе знали, что это был единственный момент, когда западные аналитики могли своими глазами увидеть их арсенал, поэтому они выкатывали на площадь макеты ракет с боеголовками невероятного размера. Расчёт был на то, при виде могущества последних новинок советского вооружения на Западе начнётся паника. Цель, пишет Томас, «состояла в том, чтобы послать зарубежных учёных, желавших скопировать последние образцы мощнейшего оружия, по ложному пути, потратив впустую время и средства».

В советские времена концепция «рефлексивного управления» подвергалась тщательнейшему научному изучению. Возглавлял научную группу Владимир Лефевр, который, по словам Томаса, «описывал рефлексивное управление в контексте и в рамках логики рефлексивной игры». На заре двухтысячных Институт психологии РАН два раза в год издавал журнал, посвящённый этому феномену. Там публиковались статьи об «алгебре совести» и «рефлексивных играх между людьми и роботами».

Применительно к ландшафту информационной войны «рефлексивное управление» означает, что эстонцам оставалось лишь гадать об истинных намерениях Кремля. Их охватил паралич от неспособности адекватно ответить на провокации, цели и задачи которых определить невозможно – ведь цель провокации может быть только в том, чтобы вызвать у жертвы чрезмерную реакцию. «Когда российские политики заявляют, что Россия способна захватить Эстонию, зна-

чит ли это, что они действительно собираются вторгнуться в нашу страну?» – к нашей экскурсии по президентской резиденции присоединилась Ииви Массо, советник Ильвеса по вопросам безопасности. «Или они просто пытаются нас деморализовать? Или они хотят, чтобы их цитировали западные журналисты, чтобы послать сигнал рынку о том, что наше положение нестабильно, и подорвать таким образом наш инвестиционный климат?»»

* * *

Спустя несколько месяцев после моего визита в Эстонию я попал на семинар по политике НАТО в Киеве, на котором должны были изучить новые проблемы, стоящие перед Западом. Семинар проходил в помещении, который был похож на бальную залу шикарного отеля, с пышной лепниной и зеркальными потолками. Председательствовал на семинаре уроженец Корнуолла, человек небольшого роста, который покачивался на стуле перед экраном со слайдами презентации в PowerPoint. Это был Марк Лейти (Mark Laity), бывший корреспондент «Бибиси», освещавший оборонную промышленность, а сегодня глава отдела стратегической связи в НАТО.

На большом экране за спиной Лейти показывали схему основных элементов повествования: как конфликт ведёт к желанию его разрешения, которое, в свою очередь, реализу-

ется через «действия, участников и события». Примерно то же самое рассказывают студентам первого курса киношколы или на семинарах по литературоведению. Авторы презентации подчёркивали, что мир нужно рассматривать как «систему историй» внутри «нарративного ландшафта». Для присутствующих, в основном военных и госслужащих, этот взгляд на мир был в новинку. Они прилежно конспектировали.

НАТО до сих пор никому не удавалось победить на поле боя, но Лейти ясно давал понять, что «нарративный ландшафт» – совершенно новая, неизведанная территория, на которой у НАТО больше нет явного преимущества. Наиболее очевидно это стало в последние несколько лет, когда Кремль начал активно испытывать альянс времён Холодной войны на прочность, иногда исподтишка, а иногда в лоб. Семантическая ловушка, в которую попал альянс, содержится в статье 5 Североатлантического договора. В ней говорится, что нападение на одну из стран альянса расценивается как нападение на весь альянс в целом. Именно к 5 статье обращался в своей Таллинской речи Обама, описывая её положения как «кристально ясные». Но можно ли свести этот принцип на нет, не сделав ни одного выстрела? Подпадает ли под действие 5 статьи кибер-атака на Болгарию, совершённая некими хакерами, симпатизирующими России? А что если в пограничном городе одного из прибалтийских государств произойдёт восстание, устроенное местными жителями, но с по-

дозрительными связями с российскими спецслужбами? Готовы ли все страны НАТО начать войну, чтобы жители Эстонии могли проверить свой банковский счёт через интернет?

С самого начала конфликта в Украине Кремль непрерывно провоцировал своих западных соседей и более привычными средствами (Россия, разумеется, утверждает обратное). В 2010 году в латвийских водах было замечено военное судно под российским флагом. В 2014 году таких случаев уже было 40. В 2010 году латвийские истребители пять раз поднимались в воздух по тревоге. В 2014 году – больше сотни раз. В феврале российские бомбардировщики были замечены у побережья Корнуолла.

Все эти манёвры поставили НАТО в тупик. Никак не отреагировать – значит, продемонстрировать бессмысленность этой организации. Поэтому Обаме и пришлось ехать в Таллин, а британскому министру обороны Филиппу Хэммонду в марте выпустить жёсткое заявление о том, что «Россия представляет величайшую угрозу нашей безопасности». Но, с другой стороны, Кремль отлично знал, что НАТО не может не ответить на провокации. А вдруг только это и нужно, чтобы показать бессилие альянса?

Если битва перейдёт в «психосферу», военное могущество НАТО окажется бесполезным. Более того, оно может стать ахиллесовой пятой – сама мощь альянса делает его неповоротливым, а демонстрацию её бесполезности – такой заметной. Прошлой зимой я встречался с Риком Стенгелем

(Rick Stengel), заместителем госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии – именно он должен сформулировать американский ответ на загадочные информационные операции России. Стенгель, в прошлом редактор журнала Time, работает в том самом кабинете в Вашингтоне, в котором когда-то Джордж Маршалл разрабатывал планы по послевоенному восстановлению Европы. По выходным он ездит домой в Нью-Йорк, где я с ним и встретился в кафе на Верхнем Вест-Сайде.

«Когда я работал в Time, моим девизом было “мы объясняем мир Америке, а Америку миру”», сказал мне Стенгель. Свою новую должность он рассматривает как применение той же философии, но в более глобальном масштабе: любой цели можно достичь, если терпеливо объяснять свою точку зрения, используя только точные, проверяемые факты. После аннексии Крыма команда Стенгеля выпустила сборник фактов, который она распространяет в социальных сетях, пытаясь противостоять российской кампании по дезинформации – что-то вроде американской правительственной версии украинского сайта StopFake. По словам Стенгеля, это «трезвая оценка официальной линии Кремля».

Его активность не ограничена Россией: Госдепартамент США запустил в твиттере кампанию против «Исламского государства» под лозунгом «Подумай ещё раз и отвернись». Цель этой кампании – «открыть глаза на правду о терроризме» и отвадить потенциальных новобранцев от отрядов

ИГИЛ (если учесть, с какой скоростью «Исламское государство» набирает новых членов в свои ряды, сложно сказать, насколько успешна именно эта кампания). Этот подход явно имеет свои корни в ценностях либеральной журналистики: Стенгель считает, что если его аргументы и доказательства убедительнее, то в споре он выйдет победителем.

* * *

В ноябре, когда я встречался со Стенгелем, по всему Манхэттену были развешаны рекламные плакаты RT – международного телеканала, принадлежащего российскому правительству. Телеканал только запустил масштабную рекламную кампанию, в которой обещал американским зрителям альтернативный взгляд на мировые проблемы, который не увидишь в обычных американских СМИ. Работу телеканала оплачивает Кремль, его годовой бюджет – порядка 230 миллионов долларов, а вещание ведётся на английском, немецком, испанском и арабском. RT утверждает, что аудитория канала по всему миру – 700 миллионов человек, а клипы телеканала на YouTube набрали 2 миллиарда просмотров, что делает его «главным поставщиком новостей на YouTube».

Мантра Маргариты Симоньян, главного редактора RT – «Никакой объективной журналистики не существует». Возможно, так и есть, но миссия RT состоит в том, чтобы довести этот трюизм до логического предела. В момент, ко-

гда многие на Западе утратили веру в честность и авторитет традиционной журналистики, RT последовательно отстаивает свой принцип: если самого понятия объективности больше не существует, значит, все истории одинаково правдивы. В Америке, где, согласно всем опросам общественного мнения, СМИ так и не удалось вернуться на уровень доверия образца 2003 года до вторжения в Ирак, RT вешает рекламные портреты с портретом Джорджа Буша и подписью «Миссия выполнена» – и внизу шрифтом помельче: «Вот что бывает, когда некому высказать другое мнение». Трудно не кивнуть, соглашаясь с этим утверждением.

На плакатах, однако, не указано ни одной причины верить именно путинскому телеканалу. Их главный месседж – «не верь западным СМИ». Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы доказать, что репортажи RT шиты белыми нитками, доверху набиты теориями заговора и явными фальсификациями: в одной передаче показывали фальшивые документы, в которых якобы содержались планы по истреблению русскоязычного населения Украины под руководством США. В другом было расследование: ЦРУ изобрело Эболу в качестве оружия против развивающихся наций. Ведущие редко оспаривают точку зрения «экспертов» во время дискуссий на темы вроде конфликта в Сирии – в котором Москва поддерживает президента Башара аль-Ассада. Один частый гость в студии как-то заявил, что гражданскую войну в Сирии «спланировал ещё в 1997 году Пол Вулфовиц», а другой

описал многочисленных жертв этой войны как «совместное производство ЦРУ, МИ-6 и Мосссада».

Грешки RT хорошо известны и тщательно задокументированы, в том числе сайтом StopFake, но достоверность репортажей явно не в числе приоритетов этого канала. Если изо дня в день повторять, что никакой объективной журналистики не существует, а любая точка зрения, даже самая дикая, ничем не хуже и не лучше любой другой, то в конце концов мы приходим к тому – собственно, именно к этому RT нас и ведёт – что все СМИ в равной степени не заслуживают доверия. Таким образом, любая ошибка, допущенная «Бибиси» или «Нью-Йорк Таймс», становится неопровержимым доказательством того, что они не более чем пешки в играх собственных правительств.

Это растекание мыслью по конспирологическому древу напоминает те самые «активные меры», тактику КГБ по ведению психологической войны, которая, по словам Олега Калугина, советского перебежчика, занимала «все фибры души разведслужб». Отделы, чьей обязанностью были «активные меры», не занимались сбором разведданных. Их целью, говорит Калугин, была «диверсия: вбить клин между членами западных сообществ, особенно НАТО, и ослабить Соединённые Штаты». Любимым приемом было размещение фальсифицированных статей в прессе, «дезинформация»: на заре 80-х вышла статья, в которой с массой научных доказательств утверждалось, что СПИД изобрело ЦРУ, что-

бы истребить афроамериканцев.

Но если раньше КГБ приходилось тратить месяцы или даже годы, тщательно разрабатывая фальшивки и вбрасывая их через своих агентов на Западе, то новая дезинформация гораздо дешевле в производстве, груба и мгновенна: за пару секунд слепил и запустил в интернет. Цель не в том, чтобы запустить иные версии правды, а в том, чтобы размыть понятие правды как таковое. В подобном же духе действуют профессиональные пропутинские тролли, которые заполняют комментарии на новостных сайтах, делая любую конструктивную дискуссию невозможной. Как докладывает корреспондент газеты, где вы читаете эти строки, Шон Уокер (Shaun Walker), на одной «фабрике троллей» в Санкт-Петербурге сотрудники получают по 500 фунтов в месяц за то, что притворяются обычными пользователями интернета, которые любят Путина, постят оскорбительные карикатуры на лидеров других стран и множат всякую конспирологию. Например, эти тролли любят писать, что украинских демонстрантов на Майдане поили чаем с наркотиками, и что именно в этом наркотическом угаре они свергли (пророссийское) правительство.

Из разнородных элементов складывается единая картина: это языковой саботаж инфраструктуры здравого смысла. Если сама возможность рационального обсуждения вязнет в тумане неопределённости, спорить становится не о чем – и слушатели закономерно решат, что нет смысла решать, кто

одержал верх в этом споре, да и слушать-то спорщиков незачем.

* * *

Образ мыслей, который Кремль посредством своей информационной войны старается внушить европейскому зрителю, именно сегодня падает на весьма благодатную почву. Недавно вышел доклад под названием «Восприятие теорий заговора в переходный период», в котором авторы разбирают феномен популярности конспирологии во Франции, Венгрии и Словакии. Группа исследователей из разных европейских исследовательских институтов приходит к выводу, что «нынешний переходный период в Европе привёл к всплеску неопределённости относительно коллективных идентичностей и ощущению утраты контроля. Это идеальные условия для распространения теорий заговора». Особенно популярна конспирология среди сторонников праворадикальных националистических и популистских партий типа «Национальный фронт» во Франции или «Йоббик» в Венгрии – которые поддерживают Москву и, в свою очередь, пользуются её поддержкой (Марин ле Пен в ноябре призналась, что «Национальный фронт» получил кредит в 9 миллионов евро от московского банка, принадлежащего близкому к Кремлю предпринимателю; она уверяет, что эта сделка не имеет никакого отношения к её поддержке российской аннексии

Крыма). Где-то 20 процентов мест в Европарламенте сегодня занимают члены партий – в основном крайне правых – симпатизирующих Москве.

Значение этих партий росло одновременно с падением авторитета национальных правительств. Когда растёт финансовая и геополитическая неопределённость, люди в поисках ответа на вопрос «Почему случился кризис?» обращаются к самым фантастическим теориям. Размыто само понятие рационального дискурса – и остается лишь спектакль. Тот, кто рассказывает более увлекательные истории, и делает это агрессивнее – то есть без оглядки на их правдивость – всегда перекричит того, кто пытается методично «доказывать» факты.

Что бы ни говорили об информационной стратегии Кремля, она безусловно соответствует духу времени: этот же дух ощущается в Британии и в Америке, где подход, который комик Стивен Колберт назвал «правдогией», на два корпуса обойдёт любую попытку оперировать фактами.

«Имеющиеся сегодня подходы к информационным войнам можно представить как основывающиеся на двух возможностях», говорится в энциклопедии. Первый подход «признает первичность объекта реального мира» и пытается выставить их в нужном свете: выгодном или невыгодном. Второй, «стратегический» подход, продолжает энциклопедия, «делает первичной информацию, признавая объект вторичным». Другими словами, авторы энциклопедии утвер-

ждают, что реальность можно лепить по своему усмотрению.

Россия едва ли одинока в исследовании подобных методов. Например, в Азии Китай для обоснования своих претензий на воды Южно-Китайского моря пользуется мощной смесью методов психологической и обычной войн. В 2013 году вышел доклад под названием «Китай: тройственная война», подготовленный в Пентагоне. Группа ученых под руководством кембриджского профессора Стефана Хальпера (Stefan Halper) описывает китайский ответ на стычку с Филиппинами из-за спорной отмели, на которую претендуют обе страны: экономические санкции, акции устрашения (корабли китайского флота заходят в филиппинские воды) и кампания в СМИ, которая выставляет руководство Филиппин «опасными радикалами». «Война XXI века приобрела новое, доселе неизвестное измерение», пишет Хальпер. «Теперь важно не то, чья армия победила, а чья история звучит убедительнее».

«Журналистов учат давать слово всем сторонам конфликта», говорил мне Стенгель с явным раздражением в голосе. «Когда Кремль утверждает, что российских солдат в Крыму нет, журналисты вынуждены это повторять. И как бороться с тем, кто попросту выдумывает всякий бред на ходу?»

Может быть, я просто не выспался после самолета, а, может, зимой на Манхэттен так внезапно падает тьма, но когда я шёл со встречи со Стенгелем, я не мог отделаться от видения будущего, в котором невозможно выиграть ни один спор

и ни одна точка зрения не более правдива, чем любая другая. Но тут же себя осадил: а вдруг страхи, подобные моим, тоже часть этого плана? В информационно-психологической войне нет явных побед, некому поставить свой флаг на завоёванной территории, и нет границ, которые нужно перекраивать. А есть только бесконечные интеллектуальные игры в «психосфере», в которых победа может оказаться полной противоположностью тому, чего ты ожидал добиться в начале. Например, какова задача канала RT – только ли передавать новости, конспирологию и мнения? Или на самом деле они проецируют имидж сильной и уверенной в себе России – из чего следует, что сами разговоры о наглости подобного подхода лишь подчеркивают убедительность этого имиджа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.